

332

683

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ОДЕССКИЙ КРЕДИТНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Проф. С. Я. Боровой

Кредитная политика и банки России в XVIII веке

(Из лекций по истории народного хозяйства СССР)

Пособие для изучающих курс «Истории народного хозяйства СССР»
и курс «Деньги и кредит СССР».

Одесса, 1957

312
6.83

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ОДЕССКИЙ КРЕДИТНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

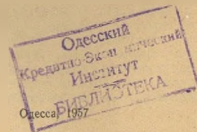
Проф. С. Я. Боровой

КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА И БАНКИ
РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

(Из лекций по истории народного хозяйства СССР)

Пособие для изучающих курс «Истории народного хозяйства СССР»
и курс «Деньги и кредит СССР».

020821 ✓

§ 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Впервые банки в России появились в середине XVIII в. Их деятельность ярко отразила все особенности и противоречия этой эпохи.

В XVIII в. в России происходило дальнейшее укрепление основ феодально-крепостнического строя. Площадь дворянского землевладения продолжала расти, продолжали также расти контингенты помещичьих крестьян за счет всех других категорий сельского населения. Усиливалась и приобретала все более жестокие формы крепостническая эксплуатация. Вместе с тем в этот период все больше сказывалось действие тех социально-экономических факторов, которые характеризовали начавшийся еще в XVII в.—по известному указанию В. И. Ленина — «новый период русской истории». В результате продолжающегося углубления общественного разделения труда, слияния небольших местных рынков в один всероссийский рынок крепостническое хозяйство все больше приспосаблилось к товарно-денежным отношениям. Росли внутренние и внешние торговые связи. Впервые возникло крупное производство в виде мануфактур.

Таким образом, уже в XVIII в. создались условия для зарождения и постепенного развития в недрах феодально-крепостнической системы некоторых буржуазных экономических связей. Эти процессы получили дальнейшее развитие особенно в его второй половине, когда стал формироваться капиталистический уклад. Безудержное стремление к расширению барской запашки приводило к сокращению земельного обеспечения крестьян, а в некоторых случаях к их почти полному обезземелению. Это подрывало самую основу барщинного хозяйства и было первым симптомом наступавшего разложения крепостнического способа производства. Еще более ясные признаки капиталистических производственных

отношений проявлялись в промышленности. Производительные силы продолжали неуклонно развиваться. Значительно вырос объем промышленной продукции. Товарное производство стало превращаться в капиталистическое. Рабочая сила в промышленности, в первую очередь в легкой, становится товаром. Наемный рабочий постепенно начинает вытеснять крепостную рабочую силу. Особенно знаменательным было начавшееся в это время перерастание мелких крестьянских промыслов в капиталистическое производство. Очень большого развития достигла в России XVIII в. горнометаллургическая промышленность. По плавке чугуна Россия занимала первое место в мире. Но в этой отрасли промышленности господствовал крепостной труд.

Значительно увеличился внутренний товарооборот, чему немало способствовали расширение территории и рост народонаселения, а также ликвидация внутренних таможенных барьеров (1754). В несколько раз увеличился объем внешней торговли.

Интенсивное развитие товарно-денежных отношений и товарного производства создавало объективную необходимость в организации кредитной системы, отвечавшей новым экономическим условиям.

Какую же роль играл кредит в хозяйственной жизни России в конце XVII и на протяжении XVIII вв. и что собою представляли русские банки в первое полувековье их существования (вторая половина XVIII в.)?

Эти вопросы недостаточно освещены в нашей научной литературе и почти полностью игнорируются в учебных пособиях. Между тем, они имеют очень большое значение для всестороннего понимания процесса развития народного хозяйства России. Мимо этих вопросов не могут не пройти и работники в области кредита и финансов.

§ 2. РОСТОВЩИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В РОССИИ XVII—XVIII вв.

До середины XVIII в. в России, как и в любой другой феодальной стране, кредитные операции осуществлялись исключительно в форме ростовщических операций различного характера.

Следует отметить некоторые особенности развития ростов-

щического капитала в России того времени. В отличие от некоторых других феодальных государств, здесь не было групп иноплеменных купцов (или выходцев из определенной местности), в силу тех или иных исторических причин специализировавшихся на проведении ростовщическо-кредитных операций (например, выходцы из Ломбардии в Англии XIV—XV веков).

Общезвестно также, что в странах Западной Европы в период, предшествовавший возникновению капиталистических банков, особенно активно занимались кредитно-ростовщическими операциями менялы (а в Англии «золотых дел мастера»), производившие также простейшие банкирские операции (переводные, вексельные и жиропереводные). В России же этого не было. Это может быть объяснено тем, что здесь рано сложилось централизованное государство с единой монетной системой; иностранная монета должна была сдаваться в монетные дворы и переплавляться. Таким образом, не было условий для развития меняльного промысла.

В России изучаемой эпохи ростовщичество не выделялось в особую специальность; оно сочеталось с другими видами хозяйственной деятельности, выступая как своего рода подсобный промысел. Поэтому в качестве ростовщиков выступали представители самых различных общественных групп.

Мелким ростовщичеством занимались богатые крестьяне и ремесленники. В XVI—XVII вв. (это встречалось и позже) разветвленные ростовщические операции вели крупные землевладельцы, накопившие в результате феодальной эксплуатации крестьян большие богатства в натуральной и денежной форме. В XVI—XVII вв. наиболее крупными русскими «банкирами» были монастыри.

Но основными представителями ростовщического промысла являлись купцы.

С деятельностью ростовщического капитала мы встречаемся в России тех лет во всех сферах хозяйственной жизни.

К. Маркс отмечает две характерные формы, которые принимает ростовщический капитал в период, предшествующий капиталистическому способу производства: «во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владе-

ющим условиями своего труда производителям». («Капитал», т. III, стр. 608).

Само собою разумеется, что ростовщический капитал протянул свои щупальцы и в русское крепостное село. Распространение денежных оброков, а также взимание налогов в денежной форме в условиях развития внутреннего рынка, естественно, создавало предпосылки для денежных ссуд и в деревне как частновладельческой, так и, особенно, черносошной. В эту пору мы встречаем отдельных крестьян — «богатеев», которые занимались ростовщическими операциями, ссужая главным образом своих односельчан. Однако масштабы деятельности ростовщического капитала на селе очень ограничивались тем обстоятельством, что в России зарождение и развитие капиталистического уклада происходило в условиях преобладания не денежной, а отработочной ренты, когда землевладелец не мог допустить полной утраты своим тяглом орудий производства, а земля в условиях крепостного права не могла служить обеспечением ссуды. Этим и объясняется, почему в крепостном селе в ту пору особенно распространены были ссуды за отработки и натуральные ссуды, т. е. выдача на кабальных условиях ссуд «в рост» зерном, мукой, сеном и т. д. Уложение 1649 г. натуральным ссудам посвящало специальную статью. Обычной процентной нормой при выдаче зерна было возращение на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{6}$ больше полученного.

В некоторых, сравнительно не частых случаях ростовщичество уже и тогда — особенно в черносошных и промысловых селах — способствовало отделению непосредственного производителя от средства производства, подготавливая этим самым необходимые предпосылки капиталистического строя.

Накопленные сельскими ростовщиками денежные средства в условиях крепостничества лишь в редких случаях употреблялись для улучшения хозяйства, найма рабочей силы. В целом же влияние крепостничества на социально-экономическое развитие русской деревни XVII—XVIII вв. полностью определяется словами К. Маркса: «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и приводит его в жалкое состояние. Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях» («Капитал», т. III, стр. 610).

Вместе с тем уже в ту пору ростовщичество являлось очень

важным источником накопления денежных богатств, которые в дальнейшем могли быть использованы для капиталистического предпринимательства.

Важнейшим и выгоднейшим объектом ростовщических операций было предоставление ссуд крепостникам — землевладельцам.

Несоответствие между доходами, являвавшимися землевладельцами из принадлежащих им хозяйств, и их потребностями в денежных поступлениях все усиливалось. Доходность имений в условиях крепостничества, которое почти полностью исключало рост производительности труда, могла повышаться только в крайне незначительных размерах, как ни изощрялись крепостники в изобретении новых и более жестких методов эксплуатации. Крайне низкий уровень агротехники и зависимость от климатических и стихийных природных явлений обуславливали непостоянство доходов. В России того времени реализация продукта крестьянского труда осуществлялась в основном непосредственно крепостниками-землевладельцами; поэтому следует учитывать еще такую предпосылку развития ростовщического кредита, как сезонность сельскохозяйственного производства и сезонные колебания цен на хлеб.

Мы знаем о значительных денежных долгах, которыми были обременены крупнейшие землевладельцы уже в XV—XVI вв. В этот период как основные кредиторы землевладельцев выступали монастыри. Особенно широкие ростовщические операции, в том числе под залог земли, развил Кирилло-Белозерский монастырь.

В XVII и в особенности в XVIII вв. в качестве кредиторов землевладельцев выступали преимущественно представители торгового капитала. К концу XVIII в. задолженность землевладельцев ростовщикам измерялась несколькими десятками миллионов. Ссуды предоставлялись из очень высокого процента — 12—20 и выше. Хотя недостаточная правовая обеспеченность кредиторов (закон формально запрещал ростовщичество), невозможность легального перехода населенных земель в руки недворян делали кредитование землевладельцев иногда весьма рискованной операцией, ростовщичество урывало очень заметную долю феодальной ренты у землевладельцев. Говоря иначе, оно превращалось в важный фактор перераспределения национального богатства в интересах буржуазных элементов.

Обширнейшей сферой деятельности ростовщического капитала в России рассматриваемого нами периода было кредитование торговых операций. При незначительности свободных средств, крайней медленности товарооборота (это в немалой мере было обусловлено транспортными возможностями того времени, сезонным и географическим разрывом цен) — ссуды становились во многих случаях необходимым условием ведения торговли.

В ту пору ростовщичество еще не обособилось, как правило, от торговли. Как показывают многочисленные наблюдения, в XVII в. (отчасти это имело место и в последующее время) один и те же купцы, в зависимости от обстоятельства, выступали то как кредиторы, то как должники. В торговой практике того времени мы встречаемся и со случаями, когда ростовщики требовали от своих «клиентов» определенной доли барыша.

Насколько часто купцы прибегали к «услугам» ростовщиков, видно из следующего: при взыскании чрезвычайных налогов в 1615 и 1634 гг. было предусмотрено, что торговцы и промышленники, предъявившие кабалы, свидетельствовавшие о торговле «чужими животы», от уплаты налога освобождались; налог должны были внести займодавцы, которые «по росту денег дают».

Чрезвычайная ограниченность «свободных» средств на тогдашнем денежном рынке, недостаточная обеспеченность кредита в условиях дворянского государства, не создавшего прочной правовой защиты интересов представителей ростовщического капитала, рискованность торговых операций, под которые давались ссуды (из-за транспортных и т. п. опасностей), — все это делало неизбежным дороговизну кредита.

В России XVII в. 20% годовых признавались обычной и нормальной ставкой. Но и во второй половине XVIII в., когда официально действовал закон, запрещавший взимать более 6% в год, в практике кредитования торговли (так же, как и в других сферах деятельности ростовщического капитала) продолжали бытовать такие нормы, как 20—30% и даже больше. Так, Радищев, описывая условия проведения торговых операций в Сибири, упоминает о «чрезмерном росте», взимаемом тобольскими ростовщиками. По его словам, они получают барышей «по 200 и 300 на 100».

Все это говорит о том, какая большая доля торговой прибыли попадала в руки ростовщиков, занимавшихся кредитованием торговли.

§ 3. ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ БАНКОВ В РОССИИ

Приведенные выше данные показывают, что в России XVIII в. вопрос об удешевлении и упорядочении кредита приобрел особую актуальность. В этом раньше всего был кровно заинтересован господствующий класс — землевладельческое дворянство. Но это вызывалось и объективными потребностями торгового и нарождавшегося тогда промышленного капитала. Некоторые сдвиги в развитии производительных сил, в соотношении классов, вызванные формированием капиталистического уклада, привели к тому, что абсолютистская монархия не могла полностью игнорировать интересы торговых и промышленных элементов.

В этой обстановке возникли в России первые банки, которые, как и в других странах в период становления капиталистических отношений, представляли, говоря словами К Маркса, «подемическую форму против старомодного ростовщичества» («Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 346).

Особенностью складывавшейся в России XVIII в. кредитно-банковской системы (и это сохранялось на протяжении всего дореформенного периода, т. е. до 60-х гг. XIX в.) было то, что — в отличие от других стран — все русские банки были государственными учреждениями, а не предприятиями частных капиталистов, и на первых порах оперировали только средствами, предоставленными в их распоряжение правительством. Объяснялось это экономической слабостью русской буржуазии, ее политическим бесправием и неорганизованностью, а также стремлением абсолютистско-феодальной монархии в максимальной мере использовать в интересах господствующего класса, такой важный фактор экономической политики как банки. В условиях политической гегемонии дворянства складывавшаяся в России кредитно-банковская система, полностью монополизированная (в ее легальных формах) дворянским государством, была в основном поставлена на службу не тем общественным элементам, которые были носителями нового развивавшегося в сложной и противоречивой социально-экономической обстановке капиталистического способа производства.

Основная задача кредитно-банковской политики самодержавия заключалась в том: чтобы поелику возможно затормозить процесс разложения господствующих порядков, поддержать и укрепить основу феодального строя — крепостническое землевладение.

Предистория русских банков начинается с ссудных операций Монетной конторы, которая — наряду со всеми основными задачами, связанными с чеканкой монеты, — начиная с 1729 г., приобретает некоторые кредитные функции. Ей было предоставлено право выдавать ссуды из 8% под залог драгоценных металлов, а в некоторых случаях и без залога. Этими возможностями воспользовались некоторые представители придворной знати. В целом, однако, ссудные операции Монетной конторы проводились в крайне ограниченных масштабах: между 1734 и 1752 гг. она выдавала в среднем в год ссуд примерно на 2 тыс. руб. Но ссудная деятельность Монетной конторы была использована как прецедент некоторыми государственными учреждениями. по характеру своему совершенно далекими от всяких финансовых и кредитных дел — такими, как Адмиралтейская коллегия, Почтамт, Главный комиссариат и др. Они тоже стали выдавать ссуды, и уже без всяких залогов. Совершенно понятно, что такого рода кредитная деятельность была не что иное, как чуть прикрытое легальной оболочкой наглое расхищение придворной знатию государственных средств.

Подлинная история русских банков началась с 1754 г., когда были одновременно учреждены Банк для дворянства (с конторами в Петербурге и Москве) и «Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции». Манифест, извещавший об учреждении вышеуказанных банков, созданных для «умещения во всем государстве процентных денег», объявлял также о запрещении под страхом наказания выдавать ссуды более, чем на 6% (эта процентная норма и получила наименование «указного процента»).

Указ об учреждении банков явился одним из таких экономико-политических мероприятий, проведенных в 60-х гг. XVIII в., как отмена внутренних таможен, монетная операция, генеральное межевание, таможенный тариф 1757 г. и др. Все перечисленные мероприятия в известной мере содействовали укреплению единого национального рынка, создавали более благоприятные условия для развития промышленности, спо-

собствовали укреплению государственных финансов. Вместе с тем они ни в какой мере не посягали на основы феодально-крепостнического строя и не угрожали социальным и экономическим привилегиям дворянства.

§ 4. ОПЕРАЦИИ БАНКОВ ПО КРЕДИТОВАНИЮ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Обратимся сначала к краткой характеристике деятельности Дворянского банка и сменявших его органов кредитования крепостнического землевладения.

Дворянский банк, основанный в 1754 г. (в 1786 г. он был реорганизован в Государственный Заемный банк, существовавший до 1860 г.), должен был выдавать ссуды землевладельцам из «указных процентов». Размер ссуд определялся не количеством или качеством земли, не доходностью хозяйства, не наличием какого-либо обеспечения, а количеством крепостных «душ», числившихся по последней «ревизии» за данным помещиком. (Эта система сохранилась до самого конца существования в России крепостного права).

Сначала под «душу» давали 10 руб., но постепенно, опережая темпы роста стоимости «души» на рынке, выдача под «душу» увеличивалась: в 1766 г. она равнялась 20 руб., в 1786 г. — 40 руб., в 1804 г. — 60 руб.

Вначале предусматривалась выдача ссуды только на сравнительно короткий срок — не дольше, чем на 3 года; но потом срок увеличили до 4 лет, затем до 8 лет, а впоследствии (уже в начале XIX в.) еще на более длительный период. Но должники банка, как правило, очень неаккуратные в погашении своих долгов, непрерывно возбуждали вопрос о пролонгации ссуд. Только в редчайших случаях банк пользовался своим правом на продажу с торгов имений должников. Обычно же им предоставлялись всякого рода отсрочки. Ведь иначе не могла быть осуществлена основная задача, поставленная перед банком, — «дабы дворянство—этот первый член государственный, не лишился имения».

Банк для дворянства начал свои операции, имея в своем распоряжении только 750 тыс. руб., полученных от казначейства. Постепенно, несмотря на острую нужду в деньгах, правительство увеличило средства банка. Важным источником

стали эмиссии Государственного Ассигнационного банка (основан в 1769 г.). К 1786 г. капитал банка измерялся суммой в 6 млн. руб. В 1786 г. было принято решение передать в распоряжение Заемного банка, специально для расширения операций по кредитованию дворянства, еще 22 млн. руб. Однако из-за начавшихся войн (с Турцией и Швецией) государство оказалось не в состоянии выделить банку такую большую сумму. Все же в распоряжении Заемного банка сосредоточились небольшие по тому времени средства.

Дворянский (потом Заемный) банк не был единственным органом кредитования крепостников-землевладельцев.

В 1758 г. была основана «Банковская контора для обращения внутри России медных денег» (так назыв. «Медный банк» существовал до 1763 г.). Официальной задачей банка было улучшение условий денежного обращения и привлечение в казну полноценной серебряной монеты (банк давал ссуду медью, а погашать надо было в значительной части серебром).

За короткий срок Медный банк выдал ссуду более чем на 3 млн. руб. Наиболее крупные ссуды получали знатные придворные, в первую очередь инициатор организации банка — Шувалов. Значительные суммы попадали в руки уральских промышленников, являвшихся в то же время и крепостниками-землевладельцами. Лишь небольшая толика дошла в руки купечества. Большинство ссуд, розданных Медным банком, так и не было возвращено.

В 1772 г. были организованы кредитные учреждения при Воспитательных домах в Петербурге и Москве (так называемые Сохранные казны или банки Опекутского совета — они существовали до 1859 г.). «Сохранные казны» постепенно превратились в основной орган кредитования дворянства. Казнам было разрешено принимать вклады, причем вкладчиками могли быть представители разных сословий, но по своим активным операциям казны почти ничем не отличались от Дворянского банка. Они тоже в основном выдавали ссуды под залог «душ». В 1787 г. «Сохранные казны» имели в своем распоряжении 8,5 млн. руб., а в 1793 г. — одна только Московская казна — 8,2 млн. руб.

В 1775 г. были организованы губернские приказы общественного призрения, которым разрешалось принимать вклады и

производить кредитные операции. Так же, как «Сохранные казны», приказы в области пассивных (вкладных) операций имели «бессловесный» характер, но активные (ссудные) операции приказов сводились в основном к выдаче ссуд под «души», а также под залог каменных домов в городах.

В 1798 г. был создан «Вспомогательный банк для дворянства» (в 1802 г. он был слит с Заемным банком). Этот банк не был призван заменить уже существовавшие органы дворянского кредита. Он создан был для ликвидации накопившейся задолженности дворянства. Денежные бумаги, которые этот банк выдавал своим клиентам, последние должны были использовать для покрытия долгов другим кредитным учреждениям, а также ростовщикам. Вспомогательный банк за несколько лет своего существования выдал ссуд помещикам примерно на 50 млн. руб.; из них только около 10 млн. руб. пошло на покрытие долгов другим кредитным учреждениям.

На протяжении второй половины XVIII в. задолженность дворянства кредитным учреждениям достигла значительных размеров. По нашим очень приближенным расчетам к 1796 г. дворянство получило ссуд из всех кредитных органов на 40 млн. руб. (28 млн. руб. сер.) под залог 600 тыс. душ (около 6% помещичьих крестьян), но Вспомогательный банк удвоил сумму долга дворян. На 1802 г. эту задолженность можно определять в 64 млн. руб. сер. (под залогом было 1,2 млн. крестьян, т. е. 12% помещичьих крестьян).

Не трудно понять, каким громадным бременем для экономики России того времени была попытка обеспечения дворянства дешевым кредитом. В результате отвлечения громадных сумм для кредитования дворянского землевладения не было возможности уделить средства на самые неотложные нужды государственного управления и народного хозяйства. В частности, в это время почти совершенно прекратилось государственное кредитование частных торговых и промышленных предприятий, что, естественно, отрицательно отразилось на развитии производительных сил страны.

Возникает вопрос: был ли экономический смысл в тех громадных жертвах, которые приносило правительство, кредитная дворянская землевладение? Иными словами, способствовала ли деятельность органов кредитования землевладения развитию его производительных сил? На это следует с полной категоричностью ответить отрицательно.

Все ссуды, которые получали землевладельцы как от ростовщиков, так и от банков, шли в подпитывающей своей части не на производительные нужды, а на покрытие «дыр» в бюджете. Однако долги не только не уменьшались, но, напротив, все время увеличивались по мере «денатурализации» дворянского бюджета и общего подъема уровня дворянского обихода. При этих условиях, с экономической точки зрения, была ясна полная бесперспективность ссудной помощи дворянству. Дворянство все более приучалось к мысли, что «его» государство обязано помогать ему всякого рода денежными подаяниями. И банковские ссуды оно склонно было рассматривать как пенсия, награды, субсидии, а не как деньги, получаемые на срок, подлежащие возврату, по которым следует аккуратно платить проценты. Практика всех органов кредитования дворянства с пролонгациями ссуд, с частыми случаями отсрочек по платежам, с бесчисленными изъятиями из правил, которые делались в угоду особо знатым и влиятельным клиентам, только укрепляла в широких слоях дворянства эти представления.

Таким образом, миллионы рублей, направленные на кредитование землевладения, не сыграли никакой роли в деле хозяйственного развития. Напротив, они тормозили процесс мобилизации земель и способствовали этим самым консервации крепостнических отношений.

Но политика кредитования дворянского землевладения не только тормозила развитие производительных сил. Она привносила к еще большему усилению крепостнического гнета. Деньги, предоставлявшиеся банками в качестве дешевых ссуд землевладельцам, шли преимущественно из средств казенничества, и это соответствующим образом усиливало бремя фискального обложения, ложившегося всей своей тяжестью на основного налогоплательщика — на крепостное крестьянство. Рост задолженности помещика, который наряду со своими текущими затратами должен был вносить еще определенные суммы в качестве процентов и погашения займов, естественно, приводил к усилению феодальной эксплуатации крестьянства во всех ее формах и видах.

Это оказалось доступным пониманию только отдельных, более прогрессивных представителей господствующего класса, осознавших необходимость реформ для предотвращения революционного взрыва. Так, в своем выступлении на Уложенной

комиссии 1767 г. «артиллерии—поручик» Г. Коробин говорил: «Думаю, из вас знают, почтеннейшие господа депутаты, что есть довольно в свете таких владельцев, которые с крестьян своих берут против обыкновенной подати; есть и такие, кои, промотав свои пожитки и набрав много долга, отдадут своих людей, отлучив их от землевладения, зарабатывать одни хотя следуемые ежегодно к уплате проценты...»

§ 5. КРЕДИТОВАНИЕ ТОРГОВЛИ

Хотя, как мы уже говорили раньше, по главу угла кредитной политики царизма было поставлено обеспечение дешевым кредитом дворян-землевладельцев, правительство в своей банковской политике все же не могло полностью игнорировать интересы торгового капитала.

Одновременно с Дворянским банком начал свою деятельность и «Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции» (обычно именуемый Купеческим или Коммерческим банком).

Создание такого банка было обусловлено всем ходом экономического развития страны. Вторая половина XVIII в. характеризовалась, как мы знаем, дальнейшим углублением общественного разделения труда, ростом товарного производства, расширением рыночных связей, значительным увеличением объема внешней торговли. В этих условиях должен был неизбежно вырасти удельный вес торгового капитала в экономике страны. По данным 1766 г. в России было 189 тыс. купцов (2,5% населения). В это число не входила громадная армия торгующих мещан и крестьян. Рост объема внешней торговли виден из следующих цифр: в 1750—1759 гг. среднегодовой оборот внешней торговли измерялся 14,5 млн. руб., а в 1780—1797 гг. — 81,5 млн. руб. Внешней торговлей занимались наиболее богатые и влиятельные купцы. Развитие внешней торговли, особенно обеспечение активного торгового баланса, имело очень большое значение с точки зрения укрепления вексельного курса, упрочения денежного обращения. Понятна особая заинтересованность правительственных органов в поощрении внешней торговли, в первую очередь «отпускной».

Во внешней торговле русские купцы испытывали тогда сильнейшую конкуренцию со стороны иностранных «негоциантов». Однако нельзя говорить о гегемонии иностранных куп-

цов во внешнеторговых операциях России. По последним исследованиям, доля русских купцов в импортных операциях Петербургского порта с 1770 г. по 1800 г. выросла с 40 до 65—70%, а в экспортных — с 10 до 40%. Но иностранные купцы были лучше организованы, обладали большим опытом, налаженными связями с иностранными рынками. Для закрепления своих позиций они особенно широко пользовались кредитно-ростовщическими операциями, которыми стремились подтянуть себе русских купцов.

Все это объясняет, почему с такой остротой вырастала тогда задача обеспечения русских купцов, в первую очередь экспортеров, дешевым кредитом. Это должно было укрепить их кредитоспособность в борьбе с иностранным торговым капиталом. Внешнеторговая ориентация первого русского купеческого банка тоже не может удивить. Первые банки, возникшие в странах Западной и Южной Европы (Каталонии, Италии, Англии, Голландии и др.), обслуживали преимущественно внешнюю торговлю. Маркс отмечал, что потребности «морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли» вызвали раньше всего необходимость «эмансипироваться от господства старомодных ростовщиков и монополизаторов торговли деньгами» («Капитал», т. III, стр. 615).

При организации банка необходимость его мотивировалась следующими словами П. Шувалова: «При петербургском порте ныне курс на российские деньги состоит высокий, и чрезвычайные проценты должны давать для того, что во обращении в Петербурге денег имеется недостаточное число, и российские купцы наличных денег мало имеют». Примерно так же высказалась и Монетная канцелярия. Она признала, что в случае создания банка купцы «цены содержать будут настоящие и в наклад продавать и дружим подрыву чинить не будут».

Таким образом, ясно, что задачу банка выделили раньше всего в поддержании конкурентоспособности русских купцов и в сохранении высоких цен на предметы русского вывоза.

К чему же свелись операции первого русского торгового банка? Раньше всего нужно отметить, что так же как и Дворянский банк, он был чисто государственным органом. Оперировал он исключительно теми средствами, которые были переданы в его распоряжение казначейством (500 тыс. руб.). Вкладов банк не принимал. Функции банка были ограничены толь-

ко краткосрочными ссудными операциями (сроком до 6 месяцев) под залог товаров, находившихся на складах в Петербургском порту. Размер ссуды не мог превышать 75% стоимости товаров.

Банк не производил такой основной для купеческих банков той поры операции, как учет векселей. Он не занимался ни переводными операциями, ни производством межкупецких расчетов.

Банк был поставлен под управление президента Коммерц-коллегии. Поэтому его стали называть Коммерческим банком.

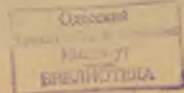
Условия пользования банковским кредитом, в особенности краткосрочность ссуд, не удовлетворяли купечество. Действительно, при тогдашней чрезвычайной медленности торгового оборота шестимесячный кредит был явно недостаточен. Но особенно купечество было недовольно тем, что ссуды давали только под залог товаров паходившихся в таможенных складах. По словам купцов, они «сомневаются брать деньги с отдачей под заклад товаров, чтобы в торгующих с ними иностранных купцах не возбудить подозрения насчет их кредита».

Купечество решило оказать давление на правительство. И, по азамному договору, организовало «стачку». В течение двух месяцев никто из купцов не обращался в банк с просьбой о ссудах. Правительству пришлось пойти на уступки, и в августе 1754 г. было разрешено давать ссуды сроком до года.

На президента коммерц-коллегии была возложена обязанность следить за тем, чтобы ссуды выдавались только «надежным» лицам. Это открыло широкие возможности маневрировать средствами банка, не очень считаясь с его уставными положениями.

После успешного завершения купеческой «стачки» капиталы банка были быстро разобраны в качестве ссуд. Скоро дела банка оказались в очень запущенном состоянии. В 1761 г., когда капитал банка в результате приращения за счет процентов увеличился до 802 тыс. руб., выяснилось, что в просроченных ссудах числилось около 400 тыс. руб. Средства банка были в руках небольшой кучки купцов. Клиенты банка, как указывалось, были «неисправны в платеже своих долгов». Опубликованная в 1764 г. новая инструкция «О разделе денег из Коммерческого банка» предусматривала уже возможность выдачи ссуд и без товарного обеспечения, что на прак-

02.08.21

тике имело место и раньше. Это создавало еще большие возможности для захвата средств банка верхушкой купечества, связанной с Коммерц-коллегией.

Купеческая верхушка, монополизировавшая возможности получения ссуд из банка и вообще обладавшая большими денежными капиталами, меньше всего была заинтересована в расширении деятельности кредитных органов. Дороговизна кредита открывала для нее возможность получения громадных ростовщических барышей, поскольку торговые операции она зачастую сочетала с кредитно-ростовщическими, используя для этого и банкские ссуды. В одном из документов того времени говорилось, что богатые купцы раздавали «бедным купцам или из купечествующих крестьян» свои капиталы «на выручку» под видом разделения барышей по меньшей мере из 30%.

Постоянно изыскивая новые ресурсы для увеличения средств органов кредитования дворянства, правительство, однако, не находило возможностей для расширения операций купеческого банка. Больше того, из скудных средств банка начали урывать суммы для кредитования придворной знати. Уже в 1770 г. купеческий банк фактически прекратил свою деятельность.

Формально ликвидация банка затянулась до 1782 г., когда правительство распорядилось передать его оставшиеся средства Дворянскому банку для увеличения капиталов последнего. Нужна ли более яркая иллюстрация классовой направленности кредитной политики царизма того времени!

Все же организация купеческого банка является знаменательным фактом в экономической политике второй половины XVIII в. Возникновение его было симптомом новых явлений в социально-экономической сфере, порожденных развитием капиталистического уклада. Надо также полагать, что деятельность банка способствовала концентрации внешнеторговых операций в руках верхушки столичного купечества. Все это приводило к укреплению торгового капитала, этого обязательного предшественника промышленного капитала. Кроме того, следует учесть, что некоторая часть купцов, занимавшихся внешней торговлей, а значит кредитовавшихся в Коммерческом банке, владела промышленными предприятиями, продукция которых в основном предназначалась на экспорт.

В данном случае банк превращался в орган кредитования промышленности.

Был в России во второй половине XVIII в. и другой купеческий банк — «Астраханский банк», основанный в 1764 г.

Организация банка в Астрахани объяснялась тем, что этот город был тогда важным центром торговли со странами Востока, особенно с Ираном и Средней Азией.

В распоряжение Астраханского банка было предоставлено 175 тыс. руб. Он должен был проводить операции, предусмотренные уставом Петербургского купеческого банка. Учитывая географическое положение Астрахани, уделяли особое внимание развитию переводных операций. В отличие от Коммерческого банка, банк в Астрахани проводил также операции по учету векселей.

Многочисленные данные об Астраханском банке, дошедшие до нас, повторяют то, что нам известно о столичном банке. Как и в Петербурге, средства банка очень скоро оказались в руках небольшой группы влиятельных и богатых купцов.

Не обнаруживая признаков особой жизнедеятельности, Астраханский банк все же просуществовал значительно дольше, чем Петербургский. Он был ликвидирован только в 1821 г. в связи с организацией в Астрахани конторы Коммерческого банка. Таким образом, банк в Астрахани был в течение длительного времени (до создания Учетных контор в 1798 г.) единственным торговым банком, действовавшим на территории России. Отметим, что А. Н. Радищев, выдвигая план создания торгового банка в Сибири, ссылаясь на пример Астраханского банка.

§ 6. КРЕДИТОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

На предыдущих страницах были упомянуты и кратко охарактеризованы все кредитные учреждения, существовавшие в России на протяжении XVIII века.

Можно было заметить, что ни одно из них не производило операций по кредитованию промышленности. Только промышленники, бывшие одновременно «душеладельцами» (как, например, владельцы металлургических заводов Урала), могли получать ссуды из органов кредитования дворянства.

Все же в тот период правительство иногда предоставляло

льготные ссуды промышленникам. Ведь это было одним из наиболее эффективных методов протекционистской политики абсолютистских государств, имевших целью, как указывал К. Маркс, «фабриковать фабрикантов».

Но, выдавая ссуды промышленникам, правительство не пользовалось какими-либо кредитными органами. Ссуды выдавались непосредственно различными государственными административными органами.

Ряд интересных фактов такого порядка относится ко второй половине XVII в., когда в России впервые возникли крупные промышленные предприятия—мануфактуры. Но не следует забывать: тогда основной формой помощи возникающим промышленным предприятиям являлись не денежные ссуды, а пожалование земель, недрами и крепостными людьми.

Предоставление ссуд промышленникам приобрело значительный размах в первой четверти XVIII в., в период так называемых петровских преобразований. По подсчетам, которые недавно были произведены советским ученым Е. Заозерской, из 205 промышленных предприятий, основанных при Петре, 43% заведено на казенные средства, а 57% — на частные. Частным предпринимателям предоставлялись всевозможные привилегии и льготы, среди которых заметную роль играли денежные ссуды. Последние составляли зачастую большую часть средств, вложенных в промышленное предприятие. Надо отметить, что Иа. Посошков, этот замечательный русский экономист, отстаивавший прогрессивную для того времени экономическую программу, особо подчеркивал желательность оказания государством кредитной помощи «маломочным людям», которые заняты промышленной деятельностью.

И в последующее время (до самого конца рассматриваемого в этой лекции периода) продолжались выдачи государством ссуд промышленникам. Во второй четверти XVIII в. очень часто в роли своеобразного промышленного банка или ссудной кассы для промышленников выступала Мануфактур-коллегия. Она вела свои операции бессистемно. Не были установлены какие-либо твердые нормы, общие методы, продуманная система в деле кредитования промышленников. Ссуды давались на разные сроки—процентные и беспроцентные, с различными способами погашения. Очень часто такие ссуды, при небес-

корыстном соучастии чиновников, превращались в акты прямого, неприкрытого казнокрадства.

Особенно крупные ссуды, практически превратившиеся в безвозвратные пособия, получали вельможи, ставшие владельцами некоторых уральских заводов. Тут в первую очередь надо вспомнить Демидовых; но рекорд в деле расхищения народных средств под видом ссуд, пожалуй, побил П. Шувалов. Он получил, как владелец переданного в его управление государственного Горнооблагодатского завода, ссуду в размере около полутора миллиона руб., но возвратил только 6 940 руб.

Значительную ссуду в 1775 г. получили промышленники Урала за счет фонда, специально предназначенного на выдачу кредитов помещикам, пострадавшим во время восстания под предводительством Пугачева.

В целом же во второй половине XVIII в. выдачи ссуд промышленникам производились в сравнительно скромных масштабах. По очень неполным данным, между 1754 и 1770 гг. было выдано ссуд владельцам предприятий легкой промышленности примерно на 200 тыс. руб. Общая направленность кредитной политики, поставленной в основном на службу крепостному землевладению, привела к тому, что ссуды промышленникам обычно предоставлялись во вторую очередь.

Все же, подводя итоги рассмотрения вопроса о роли казенных ссуд в развитии русской промышленности в XVIII в., можно сделать вывод, что в первой половине века такие ссуды играли заметную роль в развитии промышленности.

Во второй половине XVIII в. такие ссуды играли уже меньшую роль. Лишь частично это можно объяснить тем, что русская промышленность в это время прочно стала на ноги и меньше нуждалась в таких методах поддержки. Это обуславливалось, в первую очередь, общей классовой направленностью экономической политики того времени, ставившей в качестве основной задачи защиту дворянского землевладения.

Такая кредитная политика шла в разрез с объективными потребностями экономического развития. Но чем больше расширялись основы крепостничества, тем больше, в силу своей классовой природы, дворянское государство всем арсеналом методов экономической политики стремилось поддержать землевладельцев-крепостников. Однако сдвиги в развитии прои-

подательных сил, в расстановке классов, жизненные козырьственные и государственные потребности (в том числе и задачи обороны) и другие объективные условия заставляли правительство, вопреки общим тенденциям социально-экономической политики, проводить мероприятия, объективно способствовавшие капиталистическому развитию. Среди этих мероприятий некоторое место занимало предоставление ссуд промышленникам.

§ 7. ТЕХНИКА БАНКОВСКИХ ОПЕРАЦИЙ

В заключение следует сказать несколько слов о технике кредитно-банковских операций того времени. При организации первого русского банка выяснилось отсутствие в стране специалистов бухгалтерского учета. В указе 1754 г., говорившем о создании банка, предусматривалось, чтобы к иностранцам-бухгалтерам, без которых в первое время нельзя было обойтись, было приставлено «для изучения впредь из российских дворян по четыре человека—юнkerов». Очевидно, обучение дворянских недорослей учетным наукам шло без особого успеха, так как делопроизводство в банках стояло на низком уровне и было очень запущено. Указ 1754 г. требовал, чтобы в конторах банка велись, по примеру купеческих контор, «журналы и книги grossбух по купеческому обыкновению двойными партиями» (речь, очевидно, идет о двойной итальянской бухгалтерии). Но эти требования редко соблюдались. Обеспечение дел Заемного банка в 1781 г. отметило, что «бухгалтерской валовой книги в конторе, как должно, никогда не было, а хотя и найдено по каждой капиталной сумме особливые книги, но и те не совсем достаточны», а многие другие бухгалтерские книги находятся в таком состоянии, что «точного не подают сведения».

§ 8. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Сделаем самые краткие выводы из того, что было изложено в этой лекции. Итак, мы видели, что в России до середины XVIII в. кредитные операции производились только в виде ростовщических операций всякого рода. Ростовщический капитал действовал тогда во всех сферах хозяйственной жизни: и в крепостном селе, и в феодалной усадьбе, и в торговле.

Присасываясь, как паразит, к крепостному крестьянству, ростовщичество не изменяло способа производства. Наоборот, как указывал Маркс, оно заставляло воспроизводство осуществляться при все более жалких условиях. Ростовщичество в России XVII—XVIII вв. являлось очень существенным источником накопления денежных богатств, которые в дальнейшем использовались для капиталистического предпринимательства. Наиболее крупные ростовщические операции были связаны с кредитованием богатых землевладельцев и торгов-

Вторая половина XVIII в. характеризуется в России развитием капиталистического уклада, вызревавшего в недрах феодально-крепостнического строя. Это проявлялось в более быстром развитии производительных сил, в начавшемся применении труда наемных рабочих, в превращении мелкотоварного производства в капиталистическое, в росте внутреннего рынка. Назревавший конфликт между развитием производительных сил и господствовавшими крепостническими феодальными отношениями приводил к обострению классовых противоречий, нашедших свое высшее выражение в крестьянской войне под предводительством Пугачева. В этот период в России впервые сложилась кредитно-банковская система.

Банковская система, создавшая во второй половине XVIII в. дворянско-крепостническим государством, в основном обслуживала не потребности торговли и промышленности, а крепостническое землевладение. Начиная с середины XVIII в. и до конца существования в России царизма, правительство считало основной задачей кредитной политики поддержку крупного дворянского землевладения. Но ссуды, которые получали землевладельцы от банков, в своей подавляющей части шли не на производительные цели, а на паразитарно-потребительские нужды, на мотовство дворян. Громадные жертвы, на которые шло государство, кредитую помещиков, были лишены какого-либо экономического смысла. Это была безнадежная в самой своей основе попытка затормозить дешевым кредитом неотвратимый в условиях развития капиталистического уклада кризис феодального землевладения. В результате отвлечения громадных средств для кредитования дворянского землевладения не хватало средств на удовлетворение самых насущных нужд народного хозяйства, в частности для кредито-

вания и финансирования промышленных предприятий. Это тормозило развитие производительных сил страны. Политика кредитования дворянского землевладения приводила к еще большему усилению крепостнического гнета.

Происходившие в экономике страны изменения, сдвиги в развитии производительных сил и соотношении классов, объективные потребности хозяйственного развития, неотложные государственные потребности — все это приводило к тому, что дворянская монархия не могла уже в ту пору полностью игнорировать чужды торговых и промышленных элементов в депозем и организовавшем кредите. Уже в конце XVII в. появился первый проект организации торгового банка, а во второй половине XVIII в. такие банки были организованы в Петербурге и Астрахани. Но реальное соотношение классовых сил привело к тому, что кредитование торговли и промышленности оказалось совершенно недостаточным и не соответствовало назревшим экономическим потребностям. Кредитование торговли и, в особенности, промышленности проводилось в основном непосредственно различными правительственными финансовыми и административными органами. В целом же роль организованного кредита в развитии промышленности и торговли была совсем незначительна. Их кредитование в этих условиях осуществлялось, как и прежде, в основном теми, кого Маркс называл «старомодными ростовщиками, монополистами денежного богатства того времени».

Еще слишком слабы были тогда в социально-политическом отношении те круги промышленной и торговой буржуазии, у которых созрела потребность освободиться от господства ростовщиков. Однако то обстоятельство, что планы создания в России органов кредитования торговли и промышленности постоянно ставились с середины XVIII в. на порядок дня, воплощаясь иногда в реально действующие, хотя и мало эффективные учреждения, — все это говорит о созревании в России того времени условий, подготовлявших «подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства» (К. Маркс, «Капитал», т. III, стр. 614—615).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Для более глубокого ознакомления с вопросами, освещенными в этой лекции, следует изучать указания классиков марксизма-ленинизма о роли кредита в процессе разложения крепостничества и зарождения капиталистического способа производства.

В первую очередь надо упомянуть такие работы:

- Маркс К. Капитал. т. I, гл. 24, § 6.
 Маркс К. Капитал. т. III, гл. 36.
 Маркс К. Теория прибавочной стоимости. (изд. 1936 г.), т. III, стр. 332—371.
 Маркс К. Теория прибавочной стоимости. т. I, М. 1954, стр. 349—363.
 Энгельс Ф. Письмо к П. Даниэльсону от 5 января 1888 г. Соч., т. XXVIII.
 Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3. См. особ. стр. 152, 319, 333 и сл.
 Ленин В. И. По поводу одной газетной заметки. Соч., т. 2, стр. 292 и сл.
 Ленин В. И. Рецензия на кн. Р. Гюзден — «Кулачество — ростовничество, его общественно-экономическое значение». Соч., т. 4, стр. 53—55.
 Для общей характеристики экономического развития России в XVIII в. могут быть рекомендованы в первую очередь следующие работы.
 Лященко П. История народного хозяйства СССР. Т. I, М., 1952, гл. XVI—XX.
 История русской экономической мысли. Т. I, ч. I, М., 1955, гл. XI—XXI.
 Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954, т. I, гл. III, § 5.
 Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М. 1957, т. I, III, § 4.
 Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в. М. 1956, т. I.
 Лаврушин Д. Очерки по истории мануфактур-коллегии. М., 1939.
 Данилевский В. Русская техника. Л., 1948.
 Дроздович И. О периодизации истории капиталистических отношений в России. — Вопросы истории, 1951, № 1.
 Златовская Е. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953.

Кафенгауз Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX в. Т. I, М., 1949.

Любимиров П. Очерки по истории русской промышленности в XVII—XVIII и начале XIX в. М., 1947.

Панкратова А. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. — «Вопросы истории», 1953, № 9.

Поланский Ф. Экономический строй мануфактуры в России XVIII в. М., 1956.

Рубинштейн Н. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в. — «Вопросы истории», 1952, № 2.

Рубинштейн Н. О мануфактурном периоде русской промышленности и складывании капиталистического уклада в России XVIII в. — «Вопросы истории», 1947, № 12.

Спирidonова Е. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I, М., 1952.

Струминин С. История черной металлургии в СССР. Т. I, М., 1954.

Яковлевский В. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.

Важнейшая литература по финансам, кредиту и денежному обращению России XVIII в.

Блюх И. Финансы России. Т. I, СПб., 1888.

Бондаренко В. Очерки финансовой политики кабинета министров Анны Ивановны, М., 1915.

Бржецкий Н. Государственные долги России. СПб., 1887.

Гурьев А. Очерки развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904.

Кауфман П. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909.

Кашкарев М. Денежное обращение в России. Т. I, СПб., 1898.

Мигулин П. Наша банковская политика. Харьков, 1904.

Мигулин П. Русский государственный кредит. Т. I, Харьков, 1893.

Патласовский П. Денежный рынок России от 1700 до 1872 г. Одесса, 1868.

Печерин Я. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных учреждений в России. СПб., 1904.

Чечулин В. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, СПб., 1906.

Автор лекции кратко обобщил в ней материалы, изложенные им в специальных работах, посвященных истории кредита и банков в России XVII—XVIII вв. Перечислим эти работы, в которых можно найти много дополнительных фактических данных по всем темам, затронутым в лекции:

1. К истории ростовщического капитала в России XVII в. — «Научные записки ОКЭИ», т. IV (1955).

2. Политика создания банка в России XVII в. — «Деньги и кредит», 1947, № 1.

3. Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII в. — «Исторические записки Академии Наук СССР», т. 33 (1950).

4. Банки в России в первые десятилетия их существования. — «Сборник трудов ОКЭИ», т. I (1940).

5. Банки в России последней четверти XVIII в. — «Сборник трудов ОКЭИ», т. II, (1947).

6. Из истории экономической политики России XVIII в. (Вопрос о банках в 60—70 гг. XVIII в.) Научные записки Одесского Держ. педагогического института, т. VIII (1947).

7. К вопросу о складывании капиталистического уклада в России в XVIII в. — «Вопросы истории», 1948, № 5.

8. Радищев о кредите, банках и деньгах. — «Деньги и кредит», 1952, № 5.

9. Вспомогательный банк. — «Исторические записки», т. 44 (1953).

10. Кредитная политика царизма в условиях разложения крепостничества. — «Вопросы истории», 1954, № 2.

11. К вопросу о роли государственного кредита в развитии капиталистических отношений в России. — «Научные записки ОКЭИ», т. VIII, (1957).

12. Россия и иностранные банкиры в XVIII и в начале XIX в. — Сб. «Из истории общественных движений и международных отношений». М. 1957.